

Тема: Булгаков. «Собачье сердце». Система образов произведения. Умственная, нравственная, духовная недоразвитость — основа живучести «шариковщины», «швондерства».

Цели: рассмотреть систему образов в произведении, учить составлять характеристику героев, анализировать текст, понимать позицию автора, тему, идею произведения, прививать интерес к изучению творчества М.Булгакова, а также к изучению русской литературы 20 века.

Ход урока

Здравствуйте ребята!

Предлагаю ознакомиться с материалом по теме урока

Повесть «Собачье сердце» рассказывает о том, как **профессор Преображенский**, светило медицины, человек с мировой славой, создал гибрид человека и собаки.

Но у человека, чьё тело послужило основой для превращения, было «самое паршивое человеческое сердце из всех, что существуют в природе». Профессор вынужден сделать повторную операцию.

Основные персонажи повести – это: профессор **Филипп Филиппович Преображенский**;

его ассистент доктор **Иван Арнольдович Борменталь**;

пёс **Шарик** – он же впоследствии **Полиграф Полиграфович Шариков**,

председатель домкома **Швондер**.

Профессор Преображенский – медицинское светило, гений. Это интеллигентный человек, искренне считающий, что любое насилие преступно. *«Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом. Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло».* Во всяком случае, **Филипп Филиппович** так считал до того, как в достаточной мере пообщался с **Шариковым**. Профессор делает операции по омоложению богатых и влиятельных людей. Это приносит ему хороший доход и возможность жить одному в семикомнатной квартире, иметь прислугу и вообще вести себя так, как он считает нужным.

Однако омоложение – лишь средство заработка. **Преображенский** погружен в науку, он пытается найти средство для улучшения человеческой природы. Профессор человек решительный, порой даже резкий. Он убеждён в своей правоте и не скрывает отвращения к тому, что творится в России. – *Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнётся разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах.*

Профессор не учёный «сухарь»: он любит оперу:– *Сегодня в большом – «Аида». А я давно не слышал. Люблю. А времени на науку, операции и увлечение ему хватает потому, что время это строго распределено: – Успевает всюду тот, кто никуда не торопится. Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям, и распевать целый день, как соловей, вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел. Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют, а я буду оперировать.*

Преображенский строг с пациентами, благодушен с прислугой, любит и уважает своего ассистента, презирает **Швондера** с его компанией, равно как и всех тех, кто повинен в разрухе. Именно эти певцы революционных хоралов и им подобные доводят дома до того, что лопаются трубы парового отопления, заколачиваются парадные двери, на лестницах – грязь, продукты не всегда съедобны.– *Во-вторых, – бог их знает, чего они туда плеснули. Вы можете сказать – что им придёт в голову?– Всё, что угодно, – уверенно молвил тятпнутый. – И я того же мнения, – добавил Филипп Филиппович.*

Но с **Шариковым** этот умный и волевой человек справиться не может. В самом начале событий он ещё мог прикрикнуть, приказать, поставить на место начинающего зарываться пациента. **Филипп Филиппович** глянул строго: – Не смей называть Зину Зинкой! Понятно? **Филипп Филиппович** покраснел, очки сверкнули. – Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Постепенно положение меняется. **Шариков** все больше выходит из-под контроля. И от его грубости, наглости, подлости профессор теряется. – *Это кошмар, честное слово. Вы видите? Клянусь вам, дорогой доктор, я измучился за эти две недели больше, чем за последние 14 лет! Вот – тип, я вам доложу...*

Интеллигент до мозга костей, свято убеждённый в возможности добром решить любой вопрос, **профессор Преображенский** наконец убеждается, что есть такие ситуации, когда добро бессильно. **Шариков** в хорошем отношении видит только слабость, а чужая слабость поощряет его наглость.

Профессор предполагает возможность повторной операции. Он видит, как далёк полученный результат от ожидаемого: *Он долго палил вторую сигару, совершенно изжевав её конец, и, наконец, воскликнул: – Ей-богу, я, кажется, решусь.*

Но решиться ему не легко. **Преображенский** понимает, насколько труднее будет обратная операция, и что ждёт его и, главное, доктора **Борменталья**, если о ней узнают власти. Но и оставлять всё без изменений тоже нельзя. – *Все мы теперь будем иметь этого Шарикова вот где, – здесь Преображенский похлопал себя по крутой и склонной к параличу шее.* Профессору досадно, что вся его научная работа завершилась тем, что «милейшего пса» он превратил «в такую мразь, что волосы дыбом встают».

В конце концов **Преображенский** понимает, что операция – единственный выход из того кошмара, в котором все живут с тех пор, как **Шарик** стал **Шариковым**.

В эпилоге мы видим, что профессор вновь стал самим собой: «*Прежний властный и энергичный Филипп Филиппович, полный достоинства, предстал перед ночными гостями*». И говорит **Преображенский** уверенно, иронично. Он доказывает, что **Шариков** – это неудачный эксперимент, что «*наука ещё не знает способов обращать зверей в людей*».

В чем-то идиллическая картина завершает повесть. *Высшее существо, важный пёсий благотворитель сидел в кресле, а пёс Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана.*

Однако профессор не оставил своей идеи о евгенике. Он продолжает исследования мозга. Доктор **Борменталь** – ассистент и научный наследник профессора **Преображенского**. Он молод, красив, решителен, силен. В потасовке при попытке осмотреть пса именно он сумел справиться с **Шариком**.

Личность навалилась на пса сверху животом, причём пёс с увлечением тяпнул её повыше шнурков на ботинке. Личность охнула, но не потерялась.

Борменталь надеется сделать из пациента «очень высокую психическую личность» и удивляется скепсису **Преображенского**. Однако дальнейшее поведение **Шарикова** показывает правоту профессора, и **Иван Арнольдович** понимает несостоятельность своей мечты. **Борменталь**, в силу своей молодости, ещё не успел стать таким же интеллигентом старой закалки, как профессор. Его характер более гибкий, действительность он воспринимает проще. Когда **Преображенский** горюет о произошедших переменах, доктор спокойно, едва ли не равнодушно роняет: «Разруха». Да и вообще, считает **Борменталь, профессор** «слишком мрачно смотрит на вещи». Однако всякий раз, когда очередная выходка **Шарикова** расстраивает профессора, **Борменталь** оказывается рядом с учителем.

Вот при погроме в ванной: **Борменталь** как из-под земли вырос—**Филипп Филиппович, прошу вас, не волнуйтесь.**

Вот при обеденной беседе о «взять всё и поделить»: – **Филипп Филиппович, – тревожно воскликнул Борменталь.** Вот при хамском заявлении **Шарикова** о полагающейся ему жилплощади: – Как? – спросил **Филипп Филиппович** и до того изменился в лице, что **Борменталь** подлетел к нему и нежно и тревожно взял его за рукав. Вот при появлении невесты **Шарикова**: **И тут моментально вынырнул как из-под земли Борменталь.** – Извините, – сказал он, – профессор побеседует с дамой, а мы уж с вами побудем здесь. А более всего отношение доктора к профессору выясняется при их ночной беседе в кабинете. **Доктор Борменталь, бледный, с очень решительными глазами, поднял рюмку с стрекозиной талией.** – **Филипп Филиппович, – прочувственно воскликнул он, – я никогда не забуду, как я полуголодным студентом явился к вам, и вы приютили**

меня при кафедре. Поверьте, Филипп Филиппович, вы для меня гораздо больше, чем профессор, учитель... Моё безмерное уважение к вам...

Понимая, что сам профессор ничего сделать с **Шариковым** не сможет, **Борменталь** берёт на себя заботу о покое учителя. Он едва не убивает пьяного **Шарикова** после покушения того на Зину, при разговоре о новой должности глаза доктора «напоминали два чёрных дула, направленных на **Шарикова** в упор». И в конце он жёстко приказывает негодяю: – *Быть тише воды, ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь со мною дело.*

Борменталь всегда аккуратен, опрятен, вежлив с прислугой и посетителями. Единственный раз, когда он вынужден предстать перед пришедшими не до конца одетым, он «стыдливо прикрывает горло без галстука». И если профессор на правах доброго барина может позволить себе заявить: «Ну, Зина, ты – дура», то Иван Арнольдович даже к **Шарикову** обращается на «вы»: – **Шариков**, скажите мне, пожалуйста, – заговорил **Борменталь**, – сколько времени вы ещё будете гоняться за котами?

– Ну-с, что же мы с вами предпримем сегодня вечером? – осведомился он (**Борменталь**) у **Шарикова**. **Борменталь** выпустил **Шарикова** на

свободу и сказал: – Грузовик вас ждёт? Верный своему учителю и науке, **Борменталь** без колебания ассистирует профессору при повторной операции.

Прекрасно понимая, что ждёт его в случае смерти пациента, он ещё прежде упрасивает профессора разрешить ему, простому врачу, покончить с **Шариковым** и тем самым освободить профессора от постоянной угрозы. **Борменталь** – из нового поколения учёных. Он с честью продолжит труд своего учителя и оправдает пока шутливое обращение к нему **Преображенского**: «Ну так вот-с, будущий профессор **Борменталь**».

Шарик и **Шариков** – не один, а два, в сущности, противоположных персонажа. На их противопоставлении и основана повесть. **Шарик** – милый ласковый пёс, немного озорной, но очень благодарный профессору за то, что тот приютил его в своей квартире.

*Я знаю, кто это. Он – волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки. **Шарик** умён, по-своему мудр. Он многое успел пережить. Повар столовой плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Не били вас сапогом? Били. Кирпичом по рёбрам получали? Кушано достаточно. Всё испытал, с судьбой своей мирюсь и, если плачу сейчас, то только от физической боли и холода, потому что дух мой ещё не угас... Живуч собачий дух. Но вот тело моё изломанное, битое, надругались над ним люди достаточно.*

Попав в дом к **Преображенскому**, пёс пытается найти причину, по которой профессор взял его, «*шляйку поджарую*» к себе жить. Ведь доброты просто так не бывает. А на какого чёрта я ему понадобился? Неужели же жить оставит? Вот чудак! Да ведь ему только глазом мигнуть, он таким бы псом обзавёлся, что ахнуть! А может, я и красивый. Я – красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито. То-то я смотрю – у меня на морде – белое пятно. Откуда оно, спрашивается? Филипп Филиппович – человек с большим вкусом – не возьмёт он первого попавшегося пса-дворягу. И вот это милое существо, пёс **Шарик**, после операции становится **Полиграфом Полиграфовичем Шариковым** – «*такой мразью, что волосы дыбом встают*».

Он хам, наглец, невежа, грубиян, трус – и это далеко не полный перечень его недостатков. А после знакомства со **Швондером** в **Шарикове** вспыхивает ещё и жажда власти. Едва в прооперированном псе начинает проявляться человек, как первой его речью становятся бранные слова: *В моём и Зины присутствии пёс (если псом, конечно, можно назвать) обругал профессора Преображенского по матери. Начиная с 5-ти часов дня из смотровой, где расхаживает это существо, слышится явственно вульгарная ругань. Ругался. Ругань эта методическая, непрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: как будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками.* Затем всё больше проявляется **Клим Чугункин**, и совершенно исчезает **Шарик**. Доброе и благодарное животное становится злым, наглым, мстительным и крайне неблагодарным человеком. Этот человек не желает учиться у профессора и доктора, но охотно учится у **Швондера** и по его подсказке требует себе документы и привилегии. – *Да что вы всё... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?! – Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо. Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать* Вести себя мало-мальски прилично **Шариков** соглашается только из страха перед **Борменталем**: старого профессора со временем он бояться перестаёт. Доктор же молод и силен – с ним шутки плохи.

– Всё равно не позволю есть, пока не заложите (салфетку за воротник). Зина, примите майонез у **Шарикова**. **Борменталь** повыше засучил рукава рубашки и двинулся к **Шарикову**. **Филипп Филиппович** заглянул ему в глаза и ужаснулся. **Филипп Филиппович** вздрогнул и посмотрел на **Борменталья**. Глаза у того напоминали два чёрных дула, направленных на **Шарикова** в упор. Без всяких предисловий он двинулся к **Шарикову** и легко и уверенно взял его за глотку. – Быть тише воды, ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь со мною дело. Понятно? За пределами же квартиры, где встреча с доктором ему не грозит, **Шариков** оскорбляет женщин, грубит всем подряд, ведёт себя нагло и развязно. – Только – за стекло в седьмой квартире... Гражданин **Шариков** камнями швырял... Кухарку **Шариков** ихнюю обнял, а тот (сосед) его гнать стал. Ну, повздорили. – Вы, **Шариков**, третьего дня укусили даму на лестнице, – подлетел **Борменталь**. – Да она меня по морде хлопнула, – взвизгнул **Шариков**, – у меня не казённая морда! – Потому что вы её за грудь ущипнули, – закричал **Борменталь**. И уж вовсе распоясывается **Шариков**, получив должность «заведующего подотделом очистки города Москвы от бродячих животных». И можно себе представить, каков он на службе, где **Борменталья** нет. Это показывает появление невесты, которую **Шариков** обманул и запугал.

– Он сказал, негодяй, что ранен в боях, – рыдала барышня. – И угрожает... Говорит, что он красный командир...

Донос на профессора **Преображенского** окончательно показывает опасность **Шарикова** как для жильцов квартиры, так и для многих других. «Преступление созрело и упало, как камень, как это обычно и бывает». «Какой-то нечистый дух вселился в **Полиграфа Полиграфовича**; очевидно, гибель уже караулила его и срок стоял у него за плечами». Не пожелав с миром уйти из профессорской квартиры, решив с револьвером в руках утвердить свою власть, **Шариков** «сам пригласил свою смерть».

Как ни отчаянно отбивался он от врачей, но оказался вновь на операционном столе. И **Шарикова** не стало. Началось обратное превращение «мрази» в «милейшего пса». Окончательно вернувшись к своему естеству, пёс вновь становится добрым, ласковым и благодарным. **Преображенский** для него вновь – «*высшее существо, важный пёсий благотворитель*», а сам **Шарик** очень доволен своей участью: «*Так свезло мне, так свезло, – думал он, задрёмывая, – просто неописуемо свезло. Утвердился я в этой квартире. Окончательно уверен я, что в моём происхождении нечисто*».

Швондер – один из самых смешных и зловещих персонажей повести.

Это он натравливает **Шарикова** на профессора и доктора, он «просвещает» его в новых идеях, он даёт ему должность. **Швондер** не скрывает своей неприязни к профессору, который живёт один в семикомнатной квартире: – *Общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живёте в семи комнатах.*

И ему абсолютно все равно, что профессор *«живёт и работает»* в своей квартире. Для **Швондера Преображенский** – буржуй, эксплуататор, с которым следует бороться. При этом сам **Швондер**, очевидно, выполняет только функции бюрократа при новой власти. Однако себя считает пролетарием.

Неизвестно, кем был **Швондер** раньше, но теперь он получил власть и наслаждается ею. Именно такие, как он, и способствуют разрухе, не создавая ничего нового, зато разрушая старое. **Швондер** бюрократ, для него важны бумаги, а не человек. И говорит он штампами.
– *Общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную.* – Что же, – заговорил **Швондер**, – дело несложное. Пишите удостоверение, гражданин профессор. Что так, мол, и так, предъявитель сего действительно **Шариков Полиграф Полиграфович**, гм... Зародившийся в вашей, мол, квартире. – Простите, профессор, гражданин **Шариков** совершенно прав. Это его право – участвовать в обсуждении его собственной участи, в особенности постольку, поскольку дело касается документов. Документ – самая важная вещь на свете. – Прошу занести эти слова в протокол. **Швондер** не скрывает злорадства, видя растерянность

профессора при составлении справки для **Шарикова**.

Когда **Преображенский** просит продать ему комнату, председатель домкома с радостной мстительностью отказывает ему: «жёлтенькие искры появились в карих глазах **Швондера**».

Швондер упивается своей властью и не понимает того, что понимает мудрый профессор: «**Швондер** и есть самый главный дурак. Он не понимает, что **Шариков** для него более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит **Шарикова** на самого **Швондера**, то от него останутся только рожки да ножки».

В сущности, **Швондер** – это всего лишь более цивилизованная версия **Шарикова**.

Образы персонажей повести **Булгакова** нельзя назвать устаревшими. Имя героя – **Шарикова** – даже стало нарицательным.

Шариковщина – хамское, крайне наглое поведение. Многие афоризмы повести подходят и нашему времени. *Террором ничего поделаться нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. О, глаза значительная вещь. Вроде барометра. Успевают всюду тот, кто никуда не торопится. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками. То есть, он говорил? Это ещё не значит быть человеком.*

До встречи!